

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

**ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ**

**«ПЯТАЯ КОЛОННА»
И НИКОЛАЙ II**

Исторические открытия

Валерий Шамбаров

«Пятая колонна» и Николай II

«Алисторус»

2017

УДК 94(47)"18"
ББК 63.3(2)52

Шамбаров В. Е.

«Пятая колонна» и Николай II / В. Е. Шамбаров — «Алисторус»,
2017 — (Исторические открытия)

ISBN 978-5-906979-94-0

Революции в России объясняли классовой борьбой, отсталостью страны, слабостью и просчетами царя. Открывшиеся в последнее время исторические факты и документы представляют совершенно иную картину – могущественная и победоносная Российская империя была целенаправленно взорвана «пятыми колоннами», за которыми стояли правительства и спецслужбы западных держав. О беспрецедентных кампаниях клеветы на нашу страну, до сих пор скрываемых тайных операциях, их исполнителях и заказчиках рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «„Пятая колонна“ и Николай II».

УДК 94(47)"18"

ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-906979-94-0

© Шамбаров В. Е., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Вместо пролога. Странник	6
Узел первый. Тучи над Россией	7
Узел второй. Японцы, англичане и «кровавое воскресенье»	14
Узел третий. Гапон – несостоявшийся вождь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Шамбаров

«Пятая колонна» и Николай II

© Шамбаров В. Е., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо пролога. Странник

Летом 1903 г. по дорогам бескрайней России шел странник. Высокий, жилистый, в простой крестьянской одежде, с посохом и котомкой. Шагал привычно, неумоимо, верста за верстой отмеряя родную землю натруженными босыми ногами. И так же привычно, размеренно повторял Иисусову молитву, чтобы легче шагало. Иногда мимо него прокатывались брички, крестьянские телеги. Вдоль дороги открывались деревни, или она вливалась в улицы городов. Но люди не обращали на странника особого внимания. Мало ли их ходило по Руси? Батраки, ищущие заработков, нищие, паломники. Вот и этот топает куда-то по своим делам...

Встречные не знали, что странник, шагающий, казалось бы, легко и упруго, несет на себе под одеждой тяжелые вериги. Не знали и о том, что за плечами у него уже много дорог. И таких же, русских – через пыльные степи, светлые березовые рощи, болотную таежную глухомань. И чужих, незнакомых, заморских. Он успел побывать и в монастырях древнего Киева, и на Афоне, и на Святой земле Иерусалима. В детстве он перенес сильное потрясение и потянулся к духовной жизни. Искал встреч с известными уже подвижниками, общался с ними, набирая собственный опыт.

Силу его веры увидел старец Макарий Актайский, живший отшельником в сибирском скиту. Оставил у себя, стал его духовным наставником, вел с ним долгие беседы. А однажды старец сказал, что ему было видение св. Симеона Верхотурского и он должен дать своему ученику совершенно исключительное послушание. Идти в Санкт-Петербург, к царю. Открыл, что над Россией собирается страшная буря. «Утешай Царственных Самодержцев, чадо, подавай им силу во имя Господа нашего, Вседержителя... Напоминай, что Бог всегда близ тех, кто страдает. И готовься сам страдать ради Них, с Ними, за Них...» Предупредил, что и на него ополчатся враги, «дабы покрыть тебя позором и низостью, чтобы даже твое имя стало ненавистно всем» [83].

Старец Макарий дал своему ученику свободный выбор – вернуться домой, в родное село Покровское, остаться с ним в скиту или принять столь тяжелый Крест. Тот выбрал: «Хочу идти, куда Бог укажет...» И зашагал странник. Босиком, в веригах, через всю Россию. Хотя никакой бури как будто не предвиделось. Наша страна процветала и благоденствовала. Она выглядела настолько могучей, что ни один неприятель не осмелился бы напасть на нее. В городах и селах вдоль дорог люди были заняты своими повседневными заботами: возделывали поля и огороды, собирали урожаи, торговали, женились, ссорились, мирились, весело справляли праздники, на звон колокольного звона тянулись к ближайшим храмам.

Почему же старец Макарий предвидел беду? Какая опасность могла грозить российскому самодержцу Николаю Александровичу, ведь его глубоко почитали в народе, с его авторитетом вынуждены были считаться правительства всех иностранных государств: а как же иначе, если он возглавлял одну из ведущих мировых держав? В чем мог помочь самому императору простой сибирский мужик? Он и сам этого еще не знал. Верил: все, что нужно, Господь откроет в свое время. Шагал и шагал под Иисусову молитву, готовя себя встать за царя против неведомых врагов. Странника звали Григорий Ефимович Распутин.

Узел первый. Тучи над Россией

Если бы кто-нибудь в 1903 г. вздумал сказать, что Российской империи осталось жить меньше полутора десятилетий, такого человека признали бы душевнобольным. Она казалась незыблемой. Даже «крестовый поход» целой коалиции сильнейших мировых держав в 1853–1855 гг. разбился безрезультатно, захлебнулся кровью на бастионах Севастополя. Куда более эффективной оказалась либеральная пропаганда. Когда Александра II его советники подтолкнули к демократическим реформам, в губерниях было учреждено выборное земское самоуправление, появились суды присяжных, была отменена цензура, упразднено Третье отделение императорской канцелярии, занимавшееся вопросами политического сыска и контрразведки. Но в страну хлынули разрушительные зарубежные идеи. Ими заражались дворянство, интеллигенция, молодежь.

Резко всплеснуло революционное движение. Возникла террористическая организация «Народная воля». Загремели выстрелы, взрывы, погибали министры, губернаторы, случайные люди – и выяснилось, что значительная доля общественности сочувствует политическим преступникам. Было пять покушений на жизнь самого царя. Шестое, 1 марта 1881 г., увенчалось успехом... Сын убитого государя, Александр III, резко выправил курс накренившегося корабля Российского государства. Усилил Департамент полиции, расширив ее права. «Народную волю» разгромили. Уцелевшие революционеры побежали за границу. Александр III кардинально пересмотрел и политику отца. Реформы свернул. Восстановил цензуру. Были учреждены городские суды с назначаемыми судьями. Усиливался контроль за органами самоуправления и общественными организациями. Терроризм сошел на нет, за 13 лет правления Александра III было всего два теракта.

Как ни парадоксально, твердое наведение порядка в стране благотворно сказалось и в хозяйственной области. Казалось бы, освобождение крестьян, либерализация экономики, широкое привлечение общественности должны были дать мощный толчок к развитию промышленности, торговли. Но в действительности, наоборот, в экономике наблюдался серьезный кризис. Крупные предприятия приходилось поддерживать казенными дотациями. Теперь усиление контроля во всех сферах пресекало махинации и злоупотребления. Повышение таможенных тарифов ограничило поток западных товаров на отечественные рынки. Облегчалось налоговое бремя на простонародье, перераспределялось на состоятельные слои населения.

Это сопровождалось бурным развитием и промышленности, и сельского хозяйства. Производство чугуна, стали, нефти, угля в правление Александра III подскочило рекордными темпами за всю дореволюционную историю России. Такие успехи сказывались в других отраслях промышленности – текстильной, пищевой, в расширении и модернизации сети транспорта. Армия получала новейшее в то время вооружение. Строился могучий флот – по количеству боевых кораблей он вышел на третье место в мире после Англии и Франции. Россия стала гарантом европейского мира и стабильности. Заключив оборонительный союз с Францией, сдерживала агрессивные порывы Германии.

А в 1891 г. началось грандиозное строительство главной железнодорожной магистрали России – Транссибирской. Она должна была протянуться на 7 тыс. верст, от Урала до Тихого океана. Открывались пути к заселению бескрайних пространств Сибири, освоению ее природных богатств, возведению городов и заводов, к незамерзающим тихоокеанским портам. Председателем комитета по строительству железной дороги стал наследник престола Николай Александрович.

Унаследовав трон, он продолжил политику отца. На Дальнем Востоке заявила о себе еще одна энергичная держава – Япония. Разгромила Китай, захватив значительные области в Маньчжурии. Но за китайцев вступились Россия и Франция, их поддерживали Англия и США.

Токио пришлось отказаться от плодов победы, вывести из Маньчжурии войска. А русским за оказанную помощь Китай разрешил проложить через свою территорию экстерриториальную Китайско-восточную железную дорогу (КВЖД), значительно сокращавшую расстояние между Забайкальем и Приморьем. Передал в долгосрочную аренду Ляодунский полуостров, там началось строительство военно-морской базы – Порт-Артура.

Николай II первым за всю историю человечества предложил провести всемирную конференцию по сокращению вооружений, по выработке механизмов мирного урегулирования конфликтов. Хотя тогдашние «цивилизованные» державы были чрезвычайно удивлены такой инициативой, сочли ее полным абсурдом. Николая II даже высмеивали. Впрочем, правительства вынуждены были согласиться, ведь на словах все было за мир. Конференция была созвана в 1899 г. в Гааге. Но реальное отношение к ней стало пренебрежительным и циничным. Германский кайзер Вильгельм II говорил своим министрам: «Я согласен с этой тупой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч! И чихал я на все постановления!» Британское военное министерство выражало те же мысли более деликатно: «Нежелательно соглашаться на какие-либо ограничения по дальнейшему развитию сил разрушения... Нежелательно соглашаться на изменения международного свода законов и обычаев войны». Конференция завершилась почти безрезультатно [23].

Но усиление нашей страны крайне тревожило Британскую империю – а она была величайшей мировой державой, гораздо больше России. Ведь ей принадлежали изрядная часть Африки, Австралия, Индия, Бирма, Канада. Англия господствовала на морях. Сырье и прибыли, выкачиваемые из колоний, позволили ей создать лучшую в мире промышленность, держать первое место в производстве товаров и торговле. Россия теперь выступала главной ее соперницей – и в борьбе за геополитические сферы влияния, и в экономике, и на международном рынке.

Озаботилась и Америка. До сих пор эта страна придерживалась политики изоляционизма, доктрины Монро: Соединенные Штаты не вмешиваются в европейские дела, но и Европа не должна вмешиваться в дела Американского континента. Но к началу XX в. Америка бурно развивалась, горизонты стали слишком тесными для ее дельцов и политиков. А Россия и для нее становилась конкурентом. Соперницей в Тихоокеанском регионе, в Китае. Именно там, куда нацеливались американские устремления.

Но и внутри России далеко не все было благополучно. Когда Александр III прижал вольнодумство, оппозиция просто затаилась. Однако лелеяла надежды на грядущие перемены. Сохраняла убеждения, что царский режим «отсталый», «реакционный» – и только сама либеральная интеллигенция, «европейски» мыслящая, может вывести страну на правильный путь. Готовыми структурами скрытой оппозиции были выборные земские органы. К ней примыкали университетские профессора, нахватавшиеся за границей «передовых» теорий. Но примыкали и банкиры, промышленники, крупные купцы. Набрав вес под защитой самодержавия, теперь они сами рвались к власти. Западная парламентская система, где олигархи контролировали правительства и регулировали политику в собственных интересах, оказывалась для них гораздо предпочтительнее.

Были в России и радикальные революционеры – марксистские, народнические кружки. Хотя они оставались малочисленными и слабенькими. Полиция легко отслеживала их, внедряла провокаторов. Но и наказания были мягкими, обычно – ссылка на несколько лет в Сибирь. Преступники спокойно жили там на казенном содержании, после чего возобновляли работу. Некоторые предпочитали уехать за границу. Традиционным местом эмиграции была Швейцария, легко дававшая вид на жительство. Плеханов создал там марксистский центр – группу «Освобождение труда».

Многие оседали в Англии. Эта страна еще с XVIII в. освоила очень выгодный бизнес – экспорт революций. Помогала их организовать во Франции, Италии, Испании, Латинской Америке, получая весьма ощутимые политические и экономические выгоды. В Лондоне находили убежище политические преступники со всего света. Под руководством террориста Степняка-Кравчинского и беглого ссыльного Волховского здесь было создано «Общество друзей русской свободы». Американский журналист Джордж Кеннан, автор клеветнического бестселлера о России «Сибирь и ссылка», помог создать филиал этого общества и в США, хотя он быстро захирел.

Но в начале XX в. западные державы, обеспокоенные ростом могущества России, взялись готовить против нее удар. Нет, сами предпочитали не рисковать. Подстрекали Японию, лишенную завоеваний в Маньчжурии и затаившую обиду. Осаживали ее аппетиты вроде бы вместе: русские, французы, англичане, американцы. Но западная дипломатия постаралась перенацелить Токио на одну лишь Россию. Англия теперь изображала из себя лучшего друга Японии, предлагала помощь против русских. Да и США не остались в стороне. В 1901–1902 гг. Япония начала переговоры с Рокфеллерами, Дж. Морганом и Дж. Стилменом о размещении в США своих правительственных облигаций на 25 млн долларов [70]. А в 1902 г. Англия заключила официальный военный союз с Японией.

Можно ли считать случайностью, что в это же время активизировались все силы российской оппозиции? Мало того, их деятельность резко перескочила на качественно иной уровень. В Лондон, на «дружественную территорию», сразу перебралась из Германии ленинская редакция газеты «Искра». А газета была непростая, на ее базе предполагалось создание новой партии.

Земские либералы собрали в своей среде деньги, и Петр Струве в Штутгарте взялся выпускать журнал «Освобождение». Программную статью для него написал популярный историк, профессор Павел Милюков – изложил требования ввести в России конституцию, свободу слова, печати, собраний, политических партий и т. д. Отметим, что у Струве при издании «Освобождения» нашелся деятельный помощник – английский филолог Гарольд Вильямс. Впоследствии руководитель миссии «Интеллидженс Сервис» в России Сэмюэль Хор писал, что «доктор Гарольд Вильямс оказал неоценимые услуги британской разведке и министерству иностранных дел».

Кстати, и при организации «Искры» нашлись какие-то неведомые помощники. Пересылка почты и конспирация была налажена образцово. Для этого задействовали десятки «почтовых ящиков» в Германии, Австро-Венгрии, Италии, Англии. Например, корреспонденция приходит на имя немецкого врача, он пересылает ее владельцу чешской пивной, тот отправляет дальше. Из-за этого у русских революционеров, совершенно неопытных в подобных вопросах, возникала путаница. Шляпников, Бабушкин, Крупская, ехали искать редакцию по адресам переписки, но заезжали не в те города, не в те страны [39]. Такую систему революционеры создать самостоятельно не могли. Поработали какие-то профессионалы.

В этот же период была создана централизованная система по обеспечению нелегалов документами. Доставали их не сами революционеры, а земские врачи. Выписывая свидетельства о смерти, похищали паспорта покойников. Подлинные, со всеми штампами – а фотографий в паспортах не было, оставалось найти человека, подходящего по возрасту и приметам. Возникла и система побегов из ссылок. Ссылному было достаточно получить документы, деньги, побыстрее доехать до станции, сесть в поезд и знать явки, где его встретят. Пока полиция в местах поселения хватится его отсутствия, он был очень далеко. Но опять обратим внимание: сами революционеры организовать такую систему, как и четкое снабжение документами, не могли. Ведь они оставались разобщенными на множество мелких группировок. Значит, кто-то постарался для них. Постарался грамотно – и снова профессионально.

Взялись вдруг организовываться не только социал-демократы. В Швейцарии издавалась газетенка «Революционная Россия» и базировался «Аграрно-социалистический союз». В 1902 г. вокруг них объединились несколько народнических кружков и образовалась партия социалистов-революционеров (эсеров). Ее лидерами стали Виктор Чернов, Николай Чайковский. Под руководством бывшего народовольца Михаила Гоца при партии была создана боевая организация для проведения терактов. Причем эсеры сразу сомкнулись с английским «Обществом друзей русской свободы». А оно давным-давно контролировалось британскими спецслужбами [98].

Тогда же возникла партия польских социалистов. Финский сепаратист Конни Циллиакус начал издавать в Стокгольме газету «Свободное слово», пересылая ее в Финляндию. Рождались и структуры вообще внепартийные. Так, в Петербурге, в Публичной библиотеке, служил надворный советник Александр Исаевич Браудо. Высокого положения он не занимал, среди общественных деятелей нигде не мелькал, но был видным масоном. По пятницам Браудо устраивал журфиксы для молодой столичной интеллигенции, ставшие очень популярными, создал еврейский студенческий кружок взаимопомощи. Используя свои широкие связи, Браудо принялся собирать информацию негативного характера, пересылая ее за границу. Снабжал ею и «Освобождение», и иностранные газеты. Такими способами стала раскручиваться информационная война.

Разнородные силы, нацеленные против России, активизировались одновременно. В ходе этой деятельности стала выдвигаться целая плеяда новых активистов. Для издания «Искры» из Сибири организовали побег талантливому журналисту Льву Бронштейну – Троцкому. Переправку газеты в Россию стал курировать Максим Литвинов (Валлах). Британское «Общество друзей русской свободы», потеснив прежних руководителей, фактически возглавил эсер Давид Соскис. Среди польских социалистов на роль одного из лидеров вышел Юзеф Пилсудский. В международной социал-демократии заняли видное положение Парвус (Гельфанд) и его подручные – Юлиан Мархлевский, Роза Люксембург.

В социал-демократической организации в Баку ярко проявил себя инженер Леонид Красин, в Нижнем Новгороде – трое юных братьев Свердловых. Заметное место среди революционеров заняла и целая плеяда братьев Познеров. Соломон Познер стал помощником Браудо, переправляя за рубеж его информацию. Банкир Матвей Познер женился на сестре идеолога эсеровских боевиков Михаила Гоца и помогал создавать его организацию, как и Абрам Познер. Семен Познер стал одним из руководителей военной организации польской социалистической партии, к ней примкнул и Александр Познер (дед телеведущего Владимира Познера) [57].

К оппозиционной деятельности привлекались лучшие культурные силы, прославленные писатели Короленко, Толстой, Чехов. И в это же время в России и за рубежом началась активная популяризация Алексея Максимовича Пешкова – Максима Горького. В детстве он был «трудным ребенком», рос без отца, бросившего семью. Учился урывками, среднего образования не получил. При попытке поступить в университет ему без аттестата отказали.

Он обозлился на существующую систему, был неуравновешенным. Потеряв деда и бабушку, содержавших его, пытался покончить жизнь самоубийством. Отказался каяться в грехе и был отлучен от причастия на четыре года. Но оскорбился и вообще порвал с церковью. Бродяжничал, перебивался случайными заработками. По советам сочувствующих интеллигентов начал описывать свои впечатления из жизни «дна». Первые опыты были неудачными, и писал он безграмотно. Но тематика оказалась востребованной. Стиль и ошибки выправляли сотрудники редакций, его произведения появились в газетах.

В ряду современных ему авторов он еще ничем не выделялся, кроме репутации вчерашнего «босняка» и самоучки. Но им заинтересовались общественные деятели, и началось его «раскручивание». Его начали переводить на иностранные языки. Парвус взялся продвигать его произведения в Европе. О нем заговорила мировая пресса. Одна лишь газета «Нью-Йорк

Таймс» в 1900–1905 гг. опубликовала более 200 заметок о Горьком [54]. Американские корреспонденты навестили его самого, предложив сотрудничество, и он начал пересылать материалы в издания «газетного короля» Херста. А писатель в полной мере оправдывал создававшийся вокруг него имидж. В 1901 г. он бросил в народ «Песню о буреизвестнике» – очень похожую на откровенный призыв. Или на черное магическое заклинание. «То кричит пророк победы: – Пусть сильнее грянет буря!»

Весной 1903 г. – как раз тогда, когда старец Макарий Актайский узнал о бурях, надвигающихся на Россию, – был дан старт атакам на нее. На Пасху в Кишиневе ничто не предвещало беды. Правда, здесь существовала давняя рознь между молдаванами и евреями, но не этническая или религиозная, а социальная. Евреи составляли половину населения города, им принадлежала почти вся торговля, предприятия, трактиры. Молдаване оказывались ущемленными, иногда случались столкновения. На Пасху, 6 апреля, были праздничные гуляния. На Чуфлинской площади развернулись балаганы, карусели. На улицах было много пьяных.

Хозяин карусели, еврей, грубо толкнул какую-то женщину с грудным ребенком, она упала, выронив младенца. Толпа возмутилась. Стала крушить те же карусели. Разбуянившись, двинулась по главной улице, била стекла, витрины. Без разбора – и в губернаторском доме, в военном присутствии, в редакции газеты «Бессарабец», считавшейся антисемитской. Сбежалась полиция. Призывов успокоиться основная масса слушалась, 60–70 самых буйных арестовали. Ситуация нормализовалась.

Но 7 апреля выступили уже евреи! Свыше 100 человек, вооруженных колющими, ружьями, револьверами, на Новом базаре напали на христиан. У некоторых евреев были бутылки серной кислоты, взятые в аптеках. Ее плескали в оказавшихся на базаре людей. Началась драка, кто-то из иудеев стал стрелять. По городу покатались слухи – православных бьют! Передавались в искаженном виде, что евреи разорили собор, убили священника. Поднялся народ. Начал громить дома и лавки евреев. Оружия у погромщиков не было, а хозяева отстреливались. Когда пуля сразила русского мальчика Останова, толпа разъярилась. Вот тут начали убивать и евреев [36, 38].

Губернатор фон Раабен и полиция растерялись. Лишь к вечеру губернатор передал власть начальнику гарнизона с правом применять оружие. Тот ввел войска, 816 смутьянов арестовали и погром утихомирили. Погибло 42 человека (из них 38 евреев), было ранено 456 (394 еврея). При усмирении пострадали 7 солдат и 68 полицейских. Фон Раабен и еще ряд чиновников за нераспорядительность были сразу же сняты со своих постов. Царское правительство и Православная Церковь выступили с гневным осуждением погрома.

Но последствия далеко превзошли по масштабам саму трагедию. Из Петербурга примчался в Молдавию адвокат Зарудный, быстро провел собственное «расследование» и объявил, что организатором погрома был начальник Кишиневского Охранного отделения фон Левендаль. Эти обвинения были абсолютно голословными. Следствие, прокуратура, да и общественность ни малейших доказательств найти не смогли. Но их и не требовалось. Заработало теневое информационное бюро Браудо, разбрасывая клевету по западным газетам. Иностранные корреспонденты в России тоже оказались наготове, подхватывая ее.

Вся мировая пресса и отечественные либеральные газеты захлебнулись возмущенными публикациями. Число жертв многократно преувеличивалось. Живописались зверства и истязания, которые ни в одном документе не зафиксированы. Мало того, утверждалось, что погром «организован властью», полиция и солдаты «всеми способами помогали убийцам и грабителям». Массовые митинги, осуждающие царское правительство, прошли в Париже, Берлине, Лондоне, Нью-Йорке. В лондонских синагогах провозглашали: «Пусть Бог Справедливости придёт в этот мир и разделается с Россией, как он разделался с Содомом и Гоморрой... и сметёт этот рассадник чумы с лица земли».

Через полтора месяца «общественному мнению» подбросили новую бомбу. Английскому корреспонденту в Петербурге Брэму неизвестное лицо якобы передало текст «совершенно секретного письма» министра внутренних дел Плеве губернатору фон Раабену, датированного за 10 дней до печальных событий. Министр советует: если произойдут беспорядки против евреев, не подавлять их оружием, а действовать мягко. Письмо было фальшивкой (после Февральской революции его усиленно искала в архивах специальная комиссия и ничего подобного не нашла). Но Брэм опубликовал его в лондонской «Таймс». Российское правительство выступило с опровержением. Однако никто на него не обратил внимания. Публикация вызвала вторую волну скандала [36, 38].

Стоит отметить, что даже в России следствие и прокуратура подошли к делу предвзято. Вопрос о том, почему евреи оказались вооруженными, обошли молчанием. За то, что именно они 7 апреля совершили нападение на христиан, ни один из них не был привлечен к ответственности. В донесениях Раабена и полиции упоминается, что толпы погромщиков направляли какие-то лица из интеллигенции. Но и это было оставлено без внимания. Подстрекателей не нашли.

А иностранные газеты стали пропагандировать создание в России «еврейской самообороны». На митингах собирались деньги не только на помощь пострадавшим, но и на закупки оружия. Впрочем, скандальная кампания стала лишь предлогом. Оружие в еврейские общины завозилось заранее! В Кишиневе, как мы видели, оно уже имелось. А всего через несколько месяцев, в августе 1903 г., произошла вторая провокация, в Гомеле. Ее описывает М. Мандельштам. Завязалась драка между евреями с одной стороны, белорусами и русскими с другой. Очевидно, первых было больше, и на подмогу их противникам высыпали рабочие железнодорожных мастерских. «На место действия прибежала еврейская самооборона. Ее выстрелами толпа погромщиков была рассеяна». То есть появился вооруженный отряд и расстрелял безоружных рабочих. Тем не менее по миру разнеслось известие об очередном «погроме».

В США на волне пропагандистской бури возродилось «Американское общество друзей русской свободы». В руководстве собрались все тот же Джордж Кеннан, ряд журналистов и издателей, привлекли знаменитого писателя Марка Твена. И если раньше «Американское общество друзей русской свободы» было лишь филиалом британского, то сейчас оно стало весьма солидной величиной. В национальный комитет «Общества» вошли второй по рангу банкир США Якоб Шифф, его друг Зальцбергер, сенатор Лаволетт, раввин Вайс, сионист Розенвальд и др.

А на фоне нагнетания антироссийских страстей в Европе продолжалась работа по консолидации сил, враждебных царскому правительству. Социал-демократы провели в Лондоне II съезд РСДРП, призванный сплотить разрозненные кружки в единую партию. (Хотя она тут же перессорилась, разделившись на большевиков и меньшевиков.) Объединяться в 1903 г. решили и оппозиционные либералы. Земские деятели, группировавшиеся вокруг журнала «Освобождение», под видом горного отдыха съехались в Швейцарию. Провозгласили создание собственной нелегальной организации, «Союза освобождения». А партия эсеров уже действовала. По российским городам начались теракты.

Но и в верхушке российской власти далеко не все было ладно. Умер премьер-министр Иван Николаевич Дурново, и его место занял Сергей Юльевич Витте, бывший министр финансов. Он приходился двоюродным братом основательнице теософии Елены Блаватской, а выдвинулся на железнодорожных концессиях под покровительством киевского банкира Блюха. На прежней службе в правительстве Витте проявил себя очень хорошо, способствовал экономическому росту страны. Но при этом открыл широкую дорогу в Россию для иностранных предпринимателей и являлся одним из главных поборников либеральных преобразований.

В кабинете министров пошли склоки: Витте враждовал с Плеве, не стеснялся сочинять о нем клеветнические байки, организовывать заговоры среди его подчиненных. Но наблюдались

и другие непонятные явления. Кредиты армии и флоту хронически урезались за недостатком средств. А в это же время Витте выделял крупные займы Китаю, чтобы он мог уплатить контрибуцию, наложенную на него после поражения от японцев. Эти деньги уходили в Токио – и на них Япония вооружала армию, строила флот, готовясь к схватке с Россией. По той же причине, из-за нехватки средств, укрепления Порт-Артура возводились медленно. Зато по соседству по указаниям Витте строился ускоренными темпами торговый порт Дальний – прекрасно оборудованный, но совершенно неукрепленный... Которым вскоре воспользовались японцы.

Тучи над Россией казались малозаметными, но они быстро сгущались. Вот в такой обстановке в Петербург вошел одинокий странник. Впрочем, он не ощущал себя одиноким. Ведь он непрестанно читал молитву. А значит, был с Богом... Григорий Распутин явился к ректору духовной академии, епископу Сергию (Страгородскому) – будущему патриарху. Тот заинтересовался странником, прошагавшим в веригах через всю Россию. Ему понравились речи и рассуждения Григория. Странника взял под опеку инспектор академии архимандрит Феофан (Быстров), свел его с епископом Саратовским и Царицынским Гермогеном (Долгановым), известным своей ортодоксальной верой и воинствующим патриотизмом. Среди их окружения, паствы, пошла молва о Божьем человеке...

Узел второй. Японцы, англичане и «кровавое воскресенье»

Неспокойно было не только в России. В 1903 г. вспыхнуло восстание против турецкого владычества в Македонии. И тут проявилась еще одна фигура, во многом необычная. Александр Иванович Гучков. Он происходил из очень богатой старообрядческой купеческой семьи, окончил Московский университет, пополнял образование историка и филолога в Венском, Берлинском, Гейдельбергском университетах. На общественном поприще он выдвинулся в 1891 г., когда в России случился неурожай и голод. Активно работал в комиссии по помощи пострадавшим, удостоился ордена, получил высокую должность в московской земской управе. Состоял в правлении ряда банков, торговых предприятий, возглавлял крупнейшее в России страховое общество «Россия».

Но в его поведении стала проявляться непонятная черта. Он буквально не пропускал ни одной «горячей точки»! В 1895 г. взял вдруг в московской управе отпуск и уехал на два месяца в Турецкую Армению, где произошло восстание против турок. Потом неожиданно забросил все дела и отправился на Дальний Восток, поступил служить в казачью сотню, охранявшую КВЖД. Поссорившись с местным начальником, уволился. На обратной дороге вместе с братом совершил путешествие – на лошадях преодолели 12 тыс. верст через Монголию, Тибет, Китай, Среднюю Азию.

В 1899 г. Гучков с братом Федором отправился на англо-бурскую войну, участвовал в боях на стороне буров. Александр Иванович был ранен, попал в плен к англичанам. Другой брат, Николай, выкупил его. Но Гучков тут же очутился в Китае, где разгорелось восстание ихэтуаней. А в 1903 г. у него уже была назначена свадьба. Но заполохало в Македонии, и он вдруг объявил, что должен срочно ехать туда. Отправился почему-то через Турцию, проводил какие-то встречи, а потом прибыл в Болгарию. Его биограф В. И. Козодой в оправдание таких странностей выдвигал версию, не работал ли Гучков на русскую военную разведку? [98] Но в документах разведки нет ни малейших следов, что Гучков сотрудничал с ней. Зато есть другие сведения – по данным Н. Н. Берберовой, Гучков был масоном [9].

И представляется любопытным, что одновременно с ним восстанием в Македонии интересовалось другое неординарное лицо – Чарльз Ричард Крейн. Это был крупнейший промышленник из Чикаго, банкир и медиамагнат, один из основателей суперэлитного клуба «Джекил-Айленд», в котором состояли Морганы, Рокфеллеры, Вандербильты. В отличие от Шиффа, Крейн давно уже представлял себя другом России. Близко сошелся с приезжавшими в США статским советником Ростовцевым – будущим секретарем императрицы Александры Федоровны, министром связи Хилковым. (Кстати, по сведениям американского историка Р. Спенса, Ростовцев и Хилков тоже были масонами. Как и Крейн [98].)

С такими связями он организовал сверхвыгодное предприятие, стал хозяином российского филиала компании «Вестингауз», получил монополию на поставку воздушных тормозов для русских поездов, построил в нашей стране свои заводы. Но интересы Крейна к России не ограничивались бизнесом. Он являлся главным спонсором и покровителем Чикагского университета. По его настоянию сын президента этого учреждения, Сэмюэл Харпер, основал в университете центр по изучению России. По оценкам специалистов, это была первая в Америке неофициальная разведывательная организация, тесно связанная с госдепартаментом США.

Среди российских ученых и общественных деятелей выискивались перспективные фигуры. Одной из них стал видный социолог Максим Ковалевский – «отец» российского политического масонства, основатель лож Великого Востока в нашей стране. Его приглашали читать лекции в Чикагском университете. Еще одной сотрудницей Крейна стала признанная

специалистка по Индии и Ближнему Востоку Зинаида Рагозина. Она стала в России информатором и агентом влияния Крейна. Через Рагозину он познакомился с художником и мистиком Николаем Рерихом.

Внимание американского олигарха привлек и чешский профессор Масарик, проповедовавший отделение Чехии от Австро-Венгрии. Его тоже стали приглашать в Чикаго, Крейн взял его под покровительство. А в 1903 г. мультимиллионер отправился в Европу, и здесь он встретился с русским профессором Милюковым, активистом «Союза освобождения». Крейну этот деятель понравился, они вместе совершили путешествие по разным странам. А потом чикагского мецената потянуло вдруг к восставшим македонцам, он поехал в Болгарию. В Софии встречался с лидерами повстанцев, давал им крупные суммы. Контактировали ли они с Гучковым? Таких фактов не зафиксировано. Но они там находились одновременно. София была еще небольшим, захолустным городом. Два богатых эксцентричных иностранца никак не могли не заметить друг друга...

Но вскоре ситуацию на Балканах заслонили другие события. В ночь на 9 февраля 1904 г. японцы без объявления войны нанесли удар по русскому флоту. План войны в Токио продумали очень грамотно. Силы России значительно превосходили Японию, но на Дальнем Востоке царь держал ограниченные контингенты. Невзирая на растущую напряженность, советники до последнего момента уверяли его, что Япония не осмелится напасть. А Транссибирская магистраль была еще не достроена. Оставался разрыв возле Байкала.

Японцы именно на это и рассчитывали – напасть внезапно, чтобы сразу же максимально ослабить русский флот. Захватить господство на море и быстро перебросить на континент все силы. Используя численное превосходство, разгромить Маньчжурскую армию. А дальше останется перемалывать русские соединения по мере их подхода и ждать, когда царь попросит о мире. Отчасти это удалось. В первых же операциях японцы сумели уничтожить или повредить ряд кораблей. Высадились в Корее и Маньчжурии, отбросили русские части, захватив незащищенный порт Дальний. Он стал прекрасной базой для переброски на континент войск и снабжения. На Маньчжурскую армию Куропаткина навалились две вражеских. Третья японская армия осадила Порт-Артур.

И как только началась война, Россия неожиданно очутилась в международной изоляции! Англия держала сторону Японии. Америка тоже подыгрывала ей. Турция закрыла для русских Босфор и Дарданеллы, не выпустила к театру боевых действий Черноморский флот. Франция считалась союзницей России, поощряла ее политику на Дальнем Востоке, давала советы царскому правительству ни в коем случае не идти на уступки японцам. Но, когда начались бои, французы вдруг заключили союз с Англией – «Антант кордиаль» («Сердечное согласие») [23].

Единственным другом как будто выступила Германия. Однако и этот друг оказался отнюдь не искренним. В Берлине и Вене считали выгодным, если русские посильнее увязнут на Востоке и тогда можно будет реализовать собственные замыслы – развязать войну на Западе. В обмен на «дружбу», то есть нейтралитет и согласие снабжать царские эскадры, немцы навязали России кабальный торговый договор на 10 лет. И в это же время германские и австрийские спецслужбы сотрудничали с японцами, передавали им разведывательную информацию [56]. А вся западная пресса дружно принялась издеваться над «позорными» поражениями русских, значительно преувеличивая их масштабы и потери. Это преподносилось как очевидное доказательство отсталости «царского режима», его неспособности эффективно управлять империей.

Хотя на самом-то деле замыслы японского командования оказались сорваны. Порт-Артур героически оборонялся. Армия Куропаткина отходила с тяжелыми боями, но окружить и уничтожить ее противник не смог. На Дальний Восток постепенно подвозились свежие русские части. А Кругобайкальский участок Транссибирской магистрали достраивался ускоренными темпами. Приток подкреплений из Европейской России вот-вот должен был значительно

возрасти. Но на затяжную войну Япония не рассчитывала. У нее не хватало ресурсов, вооружения, денег.

Выручил Токио американский банкир Якоб Шифф. Кстати, он, в отличие от русского царя, заранее знал о предстоящем столкновении. Его биографы рассказывают, что за два дня до конфликта он собрал ведущих банкиров Америки, сказав им: «Через 72 часа начнется война с Россией. Ко мне поступило предложение о предоставлении Японии финансовых средств. Что вы думаете на этот счет?» Его инициатива была одобрена. Компания Шиффа «Кун и Лоеб» создала специальный синдикат для размещения облигаций японских займов, задействовала свои обширные связи. Сам Шифф отправился в Англию, добившись реализации этих облигаций через лондонскую биржу. В результате Япония смогла получить 5 займов на общую сумму 535 млн долларов. Биограф Шиффа Присцилла Робертс признает, что эти средства «покрыли более половины японских военных расходов и... стали важным фактором, обеспечившим победу Японии» [70].

Еще одним спасительным средством, за которое ухватились в Токио, стали подрывные операции. Японский военный атташе в Петербурге, полковник Акаси Мотодзиро, с началом войны был переведен в Стокгольм. Стараясь наладить разведку против русских, он познакомился с финским сепаратистом Циллиаксом. Тот знал многих революционеров и предложил поддержать их. Изначально замышлялось вызвать восстание в западных губерниях России, чтобы царь оставил там свои войска, не смог перебросить на восток.

Акаси и Циллиакс побывали в Кракове. Берлине, Вене, Лондоне. Вели переговоры с эсером Чайковским, руководителем британского «Общества друзей русской свободы» Волховским, польским социалистом Пилсудским. В Женеве наводили контакты с Плехановым и Лениным. Первоначальный проект расширился. Вместе с сотрудниками японского посольства в Англии Акаси представил в Токио новый план – объединить политические группировки, враждебные царю, и устроить в России революцию, что обеспечит для Японии победу. План одобрили, выделили деньги.

Первым шагом стала конференция в Париже, куда позвали представителей от разных оппозиционных сил – им сообщалось, что они смогут получить финансирование.

В начале октября 1904 г. в Париж прибыли делегации эсеров (Чернов, Натансон, Азеф), «Союза освобождения» (Милюков, Струве, Долгоруков), от финских, польских, грузинских, латвийских, белорусских националистов. Социал-демократы дали согласие участвовать, но в последний момент отказались. Стало известно, что за конференцией стоят японцы, и Плеханов отписал, что его партия намерена «сохранять полную независимость по отношению к военным противникам царского правительства».

Другие оказались менее брезгливыми. Самого Акаси очень удивили либералы во главе с Милюковым и Струве. Он опасался, что именно они будут мешать единой линии на вооруженную борьбу. Но они были настроены крайне агрессивно и горячо поддержали курс на восстание. Милюков, как позже признался в воспоминаниях, знал о японских источниках финансирования. Тем не менее вообще стал одним из председателей конференции. На ней согласовали усилия, расписали роли. Эсеры и националисты устраивают теракты, провоцируют волнения. А либералы организуют легальное давление на правительство. При этом опираются на тот же террор, те же мятежи как доказательство, что в стране полный развал, или обрушиваются на царскую власть за ее «жестокость».

Причем в Париже появился и чикагский магнат Чарльз Крейн. После визита на Балканы он заехал в Россию, а затем направился во Францию. Милюков после конференции дождался его, и они уже вместе отчалили в США, где русский профессор получил предложение прочесть курс лекций в Чикагском университете. Крейн поселил его в собственном доме, у них установились самые теплые отношения.

Ленин, как и Плеханов, на конференции не появился. Но у него установились опосредованные контакты с Циллиакусом и японцами. Перед этим меньшевики выжили его из редакции «Искры», а теперь он получил деньги на издание собственной газеты «Вперед», доказывая в ней неизбежность поражения России и призывая к восстанию. Хотя революционеров опекали не только японцы. Ведь неслучайно все свои проекты Акаси согласовывал с японским посольством в Лондоне. Англичане действовали и через «Общество друзей русской свободы». Сохранился отчет вербовщика разведывательного бюро британского военного министерства (будущих секций МИ-5 и МИ-6) Уильяма Мелвилла, действовавшего под видом частного детективного агентства. Он писал, что в 1904 г. «было сочтено целесообразным войти в контакт с поляками, нигилистами и прочими оппозиционными русскими элементами». Сам он установил связи с революционером по фамилии Карски. Это был Юлиан Мархлевский, ближайший помощник Парвуса [96, 98]. И именно Парвус в последующих событиях становится вдруг одним из самых осведомленных революционеров, получает огромные суммы из каких-то неведомых источников.

Но спонсоры для подрывной работы находились и в самой России. Многие богатые люди увлекались идеями радикальных преобразований. Одним из них стал крупнейший фабрикант Савва Морозов. Социал-демократ Красин устроился инженером на его предприятия в Орехово-Зуево, подружился с хозяином. Близкой подругой и любовницей Морозова была и артистка МХАТ Мария Андреева – большевичка, партийная кличка «Феномен». Она стала сожительницей Горького, и писатель тоже вошел в окружение фабриканта. Морозов выделял Горькому и Красину деньги, укрывал на своих предприятиях нелегальную литературу, типографское оборудование. А племянник Саввы Тимофеевича, Николай Шмидт, сам стал убежденным революционером, его называли «красным фабрикантом».

Положение России усугубилось и переменами в органах власти. В июле 1904 г. эсеровские боевики под руководством Азефа и Савинкова совершили одно из самых громких своих преступлений – был убит министр внутренних дел Плеве. В правительстве исчез противовес либералу Витте. Мало того, ему удалось провести на место Плеве Святополка-Мирского, яркого либерала. Жесткий контроль за оппозицией, за земскими органами сразу ослабел.

А осенью, как раз после Парижской конференции, «Союз освобождения» развернул «банкетную кампанию». Исполнялось 40 лет со дня земской реформы Александра II, и под этим предлогом земские органы в разных городах взялись устраивать банкеты. Это не митинги, не манифестации, ни в одном законе запрета на товарищеские застолья не предусмотрено. Но для них снимались самые большие залы, и банкеты превращались в политические собрания. Выплескивались обвинения в адрес властей, звучали призывы к конституционным преобразованиям. Приглашали и представителей от социал-демократов, эсеров, они тоже выступали [71].

В завершение этой кампании в ноябре был назначен общероссийский земский съезд. Его полиция не разрешила, но либералы запрет проигнорировали, все равно провели. Конечно, Плеве такого не допустил бы. Но при Святополке-Мирском сошло с рук. Оппозицию это раззадорило, она уверялась в своей силе и безнаказанности. Газеты позволяли себе все более наглые выпады, накаляли атмосферу в стране, облегчая агитацию большевикам, эсерам, меньшевикам, анархистам. Все более частыми становились забастовки.

Заграничные центры революционеров озаботились закупками оружия. В США в октябре 1904 г. отправилась одна из создательниц боевой организации эсеров Екатерина Брешко-Брешковская. Она ехала по приглашению «Американского общества друзей русской свободы». Ей устроили торжественную встречу, турне по городам США с многолюдными митингами, где собирались деньги на революцию.

Другой эсеровский предводитель, Николай Чайковский, связанный с британским «Обществом друзей русской свободы», вместе с англичанами Хобсоном и Грином закупил 6 тыс. револьверов «браунинг». В конце 1904 г. их в сопровождении Хобсона отправили в Санкт-

Петербург контрабандой, спрятав в бочках с маслом. Однако вспышки волнений в России оставались разрозненными. Чтобы слить их в единую волну, требовалось событие, которое потрясло бы всю страну. Провокация...

В начале XX в. в Петербурге приобрел широкую популярность священник Георгий Гапон. Он был великолепным оратором. Слушать его проповеди специально приезжали столичные дамы. Гапон несколько раз служил вместе со св. Иоанном Кронштадтским, во многом старался подражать ему. Появлялся среди обитателей городского «дна», старался чем-то помочь. Трудился в приютах, благотворительных организациях. Правда, в нем обнаружилась и духовная трещинка. Гапон овдовел, а вдовый священник не может жениться. Но к нему ушла жить воспитанница благотворительного училища. Он уже загордился, сам решал, какие правила ему соблюдать, а в чем сделать для себя исключение.

В 1902 г. начальник Особого отделения Департамента полиции Зубатов, в чьем ведении находились вопросы политического сыска, выступил с инициативой, что репрессивных мер недостаточно. Он предложил создавать под эгидой полиции легальные рабочие организации, через которые можно было бы вести культурную, просветительскую работу, но и отстаивать экономические интересы рабочих перед предпринимателями, сообщать властям о проблемах, нарушениях законодательства. Зубатов предложил сотрудничество и Гапону.

Тот согласился, но указал, что как раз связь с полицией отпугивает рабочих от подобных структур, делает их мишенью агитаторов. Для своей организации потребовал полную самостоятельность. Его доводы признали резонными, выделили финансирование за счет министерства внутренних дел, и возникло «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Гапон добился больших успехов, его «Собрание» стало массовым. Но в его окружении появились фигуры совершенно иного пошиба. Красин, Горький, инженер Петр (Пинхас) Рутенберг – эсер и активный сионист. Взялись умело обрабатывать священника.

В начале января 1905 г. на Путиловском заводе за прогулы и другие нарушения уволили четверых рабочих – трое из них входили в организацию Гапона. Священник принялся хлопотать, чтобы их восстановили. Директор почему-то уперся намертво, отказал. Тогда Гапон вдруг объявил: он добьется своего во что бы то ни было. Устроит забастовку не только на Путиловском, а на всех столичных заводах. А дальше события приняли совершенно необъяснимый оборот. Общая забастовка действительно началась. Хотя одному священнику это было совершенно не по силам. Ведь бастующим рабочим надо было платить какие-то деньги, чтобы они могли обеспечить собственные потребности, кормить семьи. В целом суммы требовались очень большие, да и организация солидная. Но некие пружины сработали. Весь город забастовал. А 6 (19) января, в праздник Крещения Господня, Гапон бросил призыв – идти всем к царю, подать ему петицию об улучшении положения рабочих. Священник патетически взывал: пусть царь выйдет к народу, восстановит нравственную связь с ним!

Однако загадочные события этим не исчерпывались. В тот же день освящали крещенскую воду. Николай II с семьей, со всем двором, духовенством вышел на Иордань возле Зимнего дворца. Орудия Петропавловской крепости по традиции дали салют холостыми, но одно из них почему-то оказалось заряжено картечью! И было нацелено на царский павильон на Неве. Только по случайности заряд ударил по той части павильона, где никого не было, и по стеклам дворца. Был легко ранен один городской, и фамилия его оказалась Романов. Чьи проклятия и заклинания сопутствовали выстрелу? Чьи молитвы отвели его?

Дело списали на халатность. Причем царь лично добился, чтобы офицер Карцев, командовавший расчетом злополучной трехдюймовки, не был наказан. Но свою семью после такой встряски Николай II решил увезти в Царское Село. Покинул столицу. А по его дневникам за 6, 7, 8 января видно, что министр внутренних дел скрыл от него нарастающую угрозу, докладывал в сглаженном виде. Там встречается лишь краткое упоминание, что бастуют заводы.

Только 8 января появляется запись: «Слышно, что рабочими руководит какой-то священник Гапон». Но опять ни о какой серьезной угрозе речи нет.

А между тем 8 января обстановка накалилась. Руководители движения объезжали город, выступали на митингах, и Гапон откровенно двурушничал. Там, где рабочие были настроены мирно, он успокаивал народ, что никакой опасности нет, царь примет петицию и все будет хорошо. А там, где настроение было революционным, говорил: если Николай II отвергнет требования, «тогда нет у нас царя». Вырабатывались сигналы. Сам Гапон позже писал об этом. Если он после переговоров с государем махнет рабочим белым платком, то требования приняты. Если махнет красным, люди поднимают красные флаги и начинают общий бунт.

Но и сами требования были подменены. Вместо экономических, которые вырабатывались рабочими, Рутенберг, Горький и другие советники Гапона подготовили политический ультиматум. Вечером 8 января священник засел вместе с ними под охраной вооруженных боевиков и редактировал окончательный текст петиции. «Немедленно повели созвать представителей земли русской... Повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это самая наша главная просьба, в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших ран». Затем было еще тринадцать пунктов – гражданские свободы, равенство без различия вероисповедания и национальности, ответственность министров «перед народом», политическая амнистия, прекращение войны с Японией на любых условиях и даже отмена всех косвенных налогов (которые нацеливались вовсе не на простонародье, а на богатых людей). Кончалась петиция: «Повели и поклянись исполнить их... А не повелишь, не отзовешься на нашу просьбу – мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом».

О том, что творилось, не знал царь, но отлично знали за границей. Еще 7 января в Чикаго в доме Крейна Милюков дал интервью американским журналистам, и газеты в США вышли с сенсационными заголовками: «России предстоит грандиозное кровопролитие. Московский профессор говорит о революции». Милюков уверенно предсказывал: «Через два дня в России будет великое кровопролитие. Если каким-то образом в воскресенье удастся предотвратить огромное скопление масс перед Зимним дворцом, то оно состоится в другой части Санкт-Петербурга». Пояснял, что это будет началом революции, что все классы русского народа настроены свергнуть самодержавие. А корреспондент парижской «Юманите» Авенар 8 января в восторге писал: «Резолюции либеральных банкетов и даже земств бледнеют перед теми, которые депутация рабочих попытается завтра представить Царю».

Правительство тоже узнало, что готовится провокация. Манифестация была запрещена. Для предотвращения шествий вызвали войска. Гапон и другие организаторы были в курсе. Но рабочих они не оповестили. Вместо этого большая делегация общественных деятелей во главе с Горьким поздно вечером отправилась к министру внутренних дел – настаивать, чтобы войсковые кордоны отменили, пропустили рабочих к Дворцовой площади, и доказывать, что все будет благопристойно.

Пропускать шествия было никак нельзя. Это означало бы «мирный» захват всего центра столицы, дворца, правительственных учреждений, первую в истории «бархатную» революцию – полиция доложила и о красных флагах, и об участии вооруженных дружин.

Однако и поведение представителей власти оказалось весьма сомнительным. Святополка-Мирского на месте не оказалось. Делегацию принял его товарищ (заместитель), начальник корпуса жандармов Рыдзевский. Он заявил, в общем-то, правильно – обращаться следует не к правительству, а к организаторам. Если запрещенной манифестации не будет, никакой опасности кровопролития нет. Но такой ответ Горького со товарищи не устраивал. Они отправились к премьер-министру Витте. А тот дал уклончивый ответ. Дескать, он не осведомлен, что предпринимают органы охраны правопорядка, и вообще этот вопрос не в его компетенции.

Предложил еще раз обратиться к Святополк-Мирскому, тут же связался с ним по телефону. Однако тот сказал, что ему все известно и во встрече с делегатами нет необходимости.

Но при этом и широкого оповещения рабочих, что шествия будут пресекаться вооруженной силой, налажено не было. Объявлений вывесили мало, о них многие не знали. Когда Гапон в окружении боевиков засел редактировать петицию, противозаконные действия были уже налицо. Полиция предложила арестовать его. Но градоначальник Фуллон, узнав о вооруженной охране священника, пришел в ужас, что произойдет стрельба, кровопролитие, и запретил какие-либо действия.

Утром 9 января с рабочих окраин выступили огромные колонны, общее количество достигало 300 тыс. человек. В два часа они должны были сойтись у Зимнего дворца. Причем шествие сперва выглядело вовсе не верноподданническим. Рядом с Гапоном находился Рутенберг, он был вооружен. Среди эсеров обсуждался вариант: во время встречи с царем стрелять в него. Хотя Гапон был решительно против. Предупреждал: если на царя будут какие-то покушения, он тут же покончит жизнь самоубийством (весьма странные мысли для священника). Но сам он шел в гражданской одежде и тоже имел револьвер (как он писал, на случай самоубийства).

Приехали партийные отряды из других городов, кое-где подняли красные флаги. Но большинство рабочих было настроено совсем не революционно, потребовало убрать их. Организаторы уловили эти настроения. Колонна, которую Гапон и Рутенберг вели от Нарвской заставы, остановилась возле церкви Казанской иконы Божьей Матери. Решили здесь взять хоругви, кресты, иконы. Староста храма отказал, но по указанию предводителей люди силой вломилась в церковь и забрали, что им нужно. Это была импровизация, но она оказалась удачной. Шествию придали патриотически-духовный вид. Только здесь Гапон надел облачение священника, очевидно взятое в храме.

Однако на Обводном канале дорогу преградил кордон солдат. От манифестантов требовали разойтись. Предупредили – иначе будет открыт огонь. Эти предупреждения звучали трижды, но их не слушали. Только подняли плакат: «Солдаты, не стреляйте в народ» (как видим, и его изготовили заранее). А активисты подстрекали: «Нас не пускают к царю!» Призывали прорываться. Оцепление дало залп в воздух. Ряды рабочих дрогнули, остановились. Но предводители с пением двинулись дальше, увлекая толпу за собой. Еще немного – и солдат раздавили бы или растерзали. Тогда винтовки ударили по людям.

Руководители шли в первых рядах, но они, в отличие от рабочих, изучили воинские сигналы. Когда прозвучал рожок – команда открыть огонь, Рутенберг сразу рухнул на землю и повалил Гапона. Вокруг падали убитые, раненые, а священника, переждав залп, подхватили и утащили в подворотню. Здесь его переодели, и Рутенберг быстренько обрезал ему бороду и волосы. То есть и ножницы заранее позаботился взять с собой. Гапон при этом ошалело хрипел: «Нет больше Бога, нет больше царя!»

В других колоннах, двигавшихся к Дворцовой площади, действовал один и тот же сценарий. На Шлиссельбургском тракте, на Васильевском острове, на Выборгской стороне массы людей доходили до кордона войск. На предупреждения не реагировали. При залпах в воздух их, наоборот, подталкивали вперед. Были и другие провокации, камни, летящие в солдат. Дальше следовала стрельба по людям, толпы в панике бежали, давили и калечили друг друга. А революционеры добавляли масла в огонь. Какие-то группы переулками, в обход кордонов просачивались в центр города. По некоторым свидетельствам, с деревьев на Адмиралтейском бульваре стреляли в военных. Разграбили несколько оружейных магазинов, на Васильевском острове начали строить баррикады. Такие группы легко разгонялись полицией или казаками, но главное было уже сделано.

Штаб кровавых событий располагался на квартире Горького. Пролетарский писатель сам описывал, как туда прибежал Гапон, наскоро остриженный, в чужом пальто, требовал: «Меня нужно сейчас же спрятать, куда вы меня спрячете?» Появился и Рутенберг. Сел от лица Гапона

писать прокламацию к рабочим: «Братья, спаянные кровью, у нас больше нет царя». Подключился Горький, в выражениях не стеснялся, проклинали государя «со всем его отродьем». Писатель набросал и воззвание к народу, ко всему мировому сообществу. Указывал, что самодержавие себя полностью проявило, расстреляв подданных, а значит, должно быть низвергнуто.

Горький и Рутенберг настояли, что Гапону надо еще выступить. Повезли его в Вольное экономическое общество – клуб, где собиралась оппозиционная интеллигенция. Невзирая на обстановку в городе, эта публика стеклась сюда вечером 9 января. Или была предупреждена – предстоит еще нечто важное. Сообщники показали, что Гапон жив, и бывший священник зачитал составленное для него воззвание. После этого Горький отправил телеграмму в США, в журнал Херста «Нью-Йорк Джорнал»: «Русская революция началась!»

А полиция только после выступления в Вольном экономическом обществе всполошилась, объявила розыск Гапона и Рутенберга. Но они уже исчезли. Расстригу вывезли на дачу Горького в Куоккалу. Сейчас это Репино, Курортный район Санкт-Петербурга в черте города. Но тогда Куоккала была на территории Финляндии. А она в составе Российской империи обладала особым статусом. Еще Александр I даровал ей конституцию, значительную автономию. В Финляндии было свое правительство, свой выборный сейм, она жила по отдельным законам.

До XIX в. это была нищая и забитая окраина Шведского королевства, но под покровительством России Финляндия расцвела, разбогатела. Разрастались финские города, сформировалась прежде не существовавшая финская интеллигенция. Но, невзирая на это, здесь были сильны сепаратистские настроения, нагнеталась русофобия. Местные власти и полиция распоряжений Санкт-Петербурга не выполняли. Политическим противникам сочувствовали, покрывали их. У эсеров и большевиков в Финляндии имелись убежища, связи. Гапона переправили через шведскую границу.

У Горького заранее было подготовлено другое место. Еще осенью 1904 г. его сожительница Мария Андреева уволилась вдруг из МХАТа, перешла в Рижский театр, сняла там квартиру. К ней и прибыл писатель. Причем в Риге готовилась еще одна провокация, как в Петербурге, «кровавая суббота». Но авторство или соавторство Горького в составлении подрывного воззвания удалось установить. В Риге его арестовали, отправили в Петропавловскую крепость. Повторение трагических событий в Риге удалось предотвратить.

А в столице в ходе «Кровавого воскресенья» погибло около 130 человек, получили травмы и ранения 299 – включая солдат и полицейских. Но мировая пресса многократно преувеличила число жертв. Британские, французские, американские газеты выплескивали волну ужасов. Смаковали жестокость царя, якобы расстрелявшего собственных мирных подданных, шедших к нему на поклон, придумывались фантастические подробности. Ту же тему подхватили отечественные либералы, революционные агитаторы.

Судьбой Горького мировая общественность особенно озаботилась. В его защиту поднялась общая волна негодования – во Франции, Англии, Германии, газеты выходили с аршинными заголовками, собирались митинги. В Италии даже депутаты парламента приняли общее требование немедленно освободить писателя. В США петицию о его освобождении подписали видные политические, общественные, культурные деятели. В связи с войной отношения России с западными державами и без того были не блестящими. Власти сочли за лучшее выпустить Горького под залог. Его по просьбе Андреевой внес Морозов, а писатель, обретя свободу, сразу перебрался в Куоккалу, где был в полной безопасности.

Стоит подчеркнуть, что страшная провокация в столице была многоплановой. Она не просто дала толчок к раскручиванию революции. Ее сценарий был великолепно выверен. Народ во главе со священником идет к своему государю – а его расстреливают. У русских людей подрывали святая святых – веру в царя! Один из главных духовных устоев Российской державы. И еще немаловажный аспект – ни одна из революционных партий Кровавое воскресенье

не организовывала. Ни у большевиков, ни у эсеров еще не было в Петербурге столь сильных структур, способных осуществить такое грандиозное предприятие. Группы и дружины из этих партий лишь участвовали, подключились на готовое.

Спрашивается – кому это было выгодно? Кто обеспечил мощное финансирование? Япония? Но ее разведка внутри России была достаточно слабой, не располагала подобными возможностями. Другое дело – английская «Интеллидженс Сервис». В то время – самая мощная из мировых спецслужб. Два факта обращают на себя внимание. Как раз в это время Витте вел переговоры о кредитах, и в конце 1904 г. в Россию прибыл глава британского банка «Бэринг» лорд Рэвелсток. Во время трагических событий он находился в Петербурге, наблюдал их. Запомним эту личность, мы еще встретимся с ней.

Второй факт. Осенью 1904 г. Англия направила в Россию нового посла, сэра Хардинжа. По возвращении на родину он был удостоен титула лорда. Сэр Карнок, сменивший его в 1906 г., тоже стал лордом. А из всех британских посланников в России за период с 1830 по 1918 гг. лордами стали лишь трое. Те, кто занимал этот пост в революцию 1905–1907 гг., и сэр Бьюкенен – посол во время следующей революции.

Узел третий. Гапон – несостоявшийся вождь

В начале XX в. в международной политике стал сказываться новый важный фактор – «финансовый интернационал». Ведь крупные банкиры в разных странах переплетались родственными узами, компаньонством в тех или иных фирмах. В Австро-Венгрии, Франции, Англии делами ворочали различные ветви Ротшильдов. Самый мощный финансист США Дж. Морган был связан с британскими и французскими Ротшильдами. Шифф тоже выдвинулся в качестве представителей Ротшильдов и германских банкиров. Крупнейший из них, Макс Варбург, был ведущим финансистом Германии. Его братья Пол и Феликс Варбурги перекрестились в США, путем браков породнились с партнерами «Кун и Лоеб» и вошли в их концерн. Шифф был также связан с Гарриманами, Гульдами, Рокфеллерами, Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами [48, 70].

В родстве с Варбургами состояли российские банкиры Гинцбурги, с Ротшильдами – олигархи мощного киевского «куста»: Бродские, Блюхи и др. Но если в России, в условиях самодержавной власти, влияние финансистов на правительство осуществлялось только исподволь, то на Западе оно даже не скрывалось, и сама политика направлялась в зависимости от интересов банков, промышленных корпораций. Через подконтрольную им прессу финансовые столпы направляли общественное мнение. Они были тесно связаны и с Социалистическим интернационалом. Банкиры считали выгодным для себя поддерживать левые партии.

Кроме родственных связей, деловые и политические круги различных государств переплетались масонскими. Это тоже считалось полезным. Обеспечивало поддержку, взаимовыручку. Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяя взаимодействовать структурам в различных государствах. Так возникло явление, которое великий русский философ А. И. Ильин назвал «мировой закулисой».

Масонство глубоко проникло и в Россию. По закону, оно было запрещено. Каждый государственный служащий давал подписку не состоять в масонских и иных тайных организациях. Но ведь в этих организациях высшими признавались собственные ценности, ложь ради них допускалась. В нашей стране подпольно действовали самые разнообразные ветви масонства – английское и шотландское (классическое), французское (политическое), розенкрейцеры, иллюминаты, орден «Филалет» и пр.

В числе «рыцарей Филалет» оказались даже представители царствующего дома. Общественные деятели предпочитали политическое масонство Великого Востока. Самый радикальный орден, иллюминатов, оказал сильное влияние на социалистов. Праздник ордена, 1 мая (магическая «Вальпургиева ночь»), отнюдь не случайно стал «днем международной солидарности трудящихся». Исследователи уже отметили, что постулаты иллюминатов отчетливо видны в работах Парвуса и его ученика Троцкого [97, 98]. А германские революционеры во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург (помощницей и любовницей Парвуса) неслучайно называли себя «Союзом Спартака» – псевдоним «Спартак» носил основатель ордена Адам Вейсгаупт.

Но эти же тайные организации позволяли теневым режиссерам так или иначе регулировать их членов. Координировать действия совершенно разнородных сил. В России данные особенности проявились в полной мере. В царствование Александра III, твердой рукой поддерживавшего устои самодержавия и православия, затаившиеся оппозиционеры и масоны возлагали все надежды на перемену власти. Подспудно готовились к этому, продвигали подходящие для себя кандидатуры к верхушке государственного руководства. Но Николай II, взойдя на трон, их надежд не оправдал. Он сразу же объявил, что намерен продолжать курс отца.

Что ж, одни расчеты нарушились – стали строиться другие. Потому что у государя не было наследника. Императрица Александра Федоровна четырежды приносила ему детей – и

каждый раз рождались дочери. Тут уже стали закручиваться интриги другого сорта. Ведь со смертью Николая II, естественной или насильственной, его род по мужской линии должен был прерваться. Корона перейдет к кому-то из великих князей. Активизировалась соответствующая тайная работа среди семейства Романовых...

Но царя проблема с наследником подтолкнула еще глубже обратиться к Православию. И Александра Федоровна оказалась достойной своего мужа. Она родилась в Германии, в Гессене, хотя воспитывалась в Англии, при дворе своей бабушки королевы Виктории, и по происхождению считала себя англичанкой, а не немкой. Она до конца жизни разговаривала по-русски с акцентом, но и акцент был английский. Тем не менее она после перехода в Православие стала настоящей русской царицей и веру восприняла столь же глубоко и искренне, как ее супруг.

Они истово молились, ездили в паломничества по святым местам. В 1902–1903 гг. Николай II и государыня лично настояли на канонизации св. преподобного Серафима Саровского, о чем среди церковных иерархов шли уже долгие споры, но вопрос зависал на одном месте. По инициативе Николая Александровича и Александры Федоровны началась подготовка к официальному прославлению еще ряда святых, в том числе благоверного царя Ивана Грозного. И молитвы царственной четы были услышаны. 30 июля (12 августа) 1904 г. у них родился наследник, царевич Алексей. Стоит ли считать случайным совпадением, что как раз после этого были в полную силу запущены механизмы революции?

Трагедию Кровавого воскресенья царь очень переживал, пытался как-то сгладить последствия. Он поручил собрать делегацию из рабочих разных заводов, 19 января принял ее в Царском Селе. Николай Александрович старался разъяснить им: «Вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины. Стачки и мятежные сборища только возбуждают толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить... Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах – преступно».

На пособия семьям пострадавших государь выделил 50 тыс. руб. Распорядился создать комиссию под председательством сенатора Шидловского, куда вошли бы выборные представители разных заводов – с одной стороны, вскрыть причины случившегося 9 января. С другой – выявить нужды рабочих, возможности улучшить их положение. Однако успокоения это уже не принесло. Даже лучшие намерения государя выворачивались против него. При выборах в комиссию Шидловского на заводах и фабриках революционеры и либеральная оппозиция протолкнули своих делегатов. Под прикрытием комиссии сформировался легальный орган для раздувания недовольства и организации беспорядков.

Николай II пробовал идти навстречу пожеланиям общественности. Издал указ, что всем подданным и организациям предоставляется право сообщать государю свои предположения о реформах, которых они хотели бы. Обещал создать совещательные органы народного представительства. Он писал: «Я вознамерился привлечь достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Но готовность императора к сотрудничеству оппозиция восприняла, как признание поражения. Либеральное «Освобождение» писало: «Белый флаг... символ трусости и слабости... Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся самодержавие, и оно рухнет...».

На Пасху 1905 г. государь издал Манифест о веротерпимости. Упразднил доселе существовавшие ограничения для старообрядцев. Но этот Манифест сочли своей победой сектанты. В Америке провозглашалось, что теперь открыты двери для их миссий по «спасению России», обращению заблудших православных в «настоящее» христианство.

А сбежавший Гапон вынырнул в Швейцарии. Его принялись наперебой тащить к себе меньшевики, большевики, эсеры. Ведь у него было громкое имя, масса сторонников в Петер-

бурге. Расстрига общался со всеми, но Плеханов ему не понравился. Встречи с Лениным стали более плодотворными. Большевики показались ему вполне «боевыми», и вчерашний священник хотел присоединиться к ним.

Но следом приехал Рутенберг и перетащил его к эсерам. Они своей «боевитостью» снискали самые горячие симпатии Гапона. Когда в феврале 1905 г. Каляев убил губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича, сияющий расстрига явился к Савинкову, бросился целовать и поздравлять его. Тот удивился – с чем? «С великим князем Сергием!» – расплылся Гапон. Тут даже Савинкову стало не по себе [69]. С помощью новых друзей расстрига публиковал и рассылал прокламации с призывом к восстанию, брошюры о еврейских погромах, «открытое письмо» государю, называя его «душегубцем Романовым», требуя отречься от престола и грозя скорым судом.

Хотя и в партии эсеров ему стало тесно, он откровенно метил на роль самостоятельного «вождя». Тренировался в стрельбе, верховой езде. Его повезли в Лондон. Один из руководителей «Общества друзей русской свободы» Давид Соскис поселил его в собственной квартире, от имени Гапона писал его мемуары. Лондонская «Таймс» платила за них бешеные гонорары. Обостренный интерес к расстриге возник и у японцев. Они все еще побеждали. Овладели Порт-Артуром, в битве под Мукденом армия Куропаткина опять отступила. Но... Куропаткин преднамеренно применял такую тактику, полностью оправдавшую себя. Японцы выдохлись, их потери были вдвое больше русских, наступать они больше не могли.

А наша страна еще осенью 1904 г. завершила строительство Транссибирской дороги. Подкрепления на Дальний Восток шли сплошным потоком. Перед японцами разворачивались уже не одна, а три армии. Неприятельское командование встревожилось, решило усилить финансирование Акаси, чтобы все-таки поднять в России восстание. Для этого и пригодился Гапон. От его имени в Женеве собрали очередную конференцию. Позвали эсеров, большевиков, финских, прибалтийских, кавказских, польских сепаратистов. Правда, объединить их не получилось. Ленин возмутился «засильем эсеров» и покинул заседание. Но если он не желал себя связывать формальным союзом с эсерами, то от денег не отказывался. Связи с Циллиакусом и Гапоном поддерживал член ЦК партии Буренин.

Акаси рассчитывал завезти в Россию две партии оружия – через Финляндию и Грузию. В Париже вел переговоры с грузинскими националистами, сумел наладить хорошие контакты с грузинскими полицейскими чинами. Потом перебрался в Лондон. В операции с оружием участвовали член британского парламента и председатель профсоюза моряков Джон Вильтон, Циллиакус, руководители английского «Общества друзей русской свободы» Соскис, Волховский, эсеры Чайковский, Рутенберг, от большевиков – Литвинов и Буренин.

В Швейцарии закупили 40 тыс. винтовок. Чтобы перевезти их в Голландию, в Роттердам, потребовалось 8 вагонов. Были куплены два парохода – «Джон Графтон» и «Сириус». Первый должен был перевезти в Финляндию 16 тыс. швейцарских винтовок «веттерли», 3 тыс. револьверов, 3 млн патронов, 3 т взрывчатки. Второй направлялся на Черное море, в Батум. Вез 8,5 тыс. австрийских винтовок «манлихер» и 1,2 млн патронов. Гапон, Чайковский и Соскис отплыли раньше на личной яхте Циллиакуса. Организовать прием груза и готовить восстание. Причем Соскис ехал в качестве английского журналиста, корреспондента уважаемой «Трибюн».

А на Дальнем Востоке продолжалась война, и неожиданно прославился Гучков, о котором мы уже упоминали. Он отправился в Маньчжурию, возглавив отряд Красного Креста. В сражении под Мукденом, когда наша армия отступила, один из госпиталей, где находился Гучков, не успели эвакуировать. Он принял решение с частью медперсонала остаться с ранеными, чтобы передать их на попечение японского Красного Креста. Особого риска в данном случае не было. В этом же госпитале находилось на излечении много японских раненых. Работники гос-

питаля просто выполнили свой долг. Продолжали ухаживать за пациентами, дождались японцев, убедились, что их командование и медики взяли раненых под свой надзор.

А гражданских лиц японцы в этой войне не интернировали и в число пленных не включали. Гучков пробыл у них всего месяц. Но иностранные журналисты, находившиеся в Японии и выплескивавшие о русских только грязь, почему-то воспели подвиг Гучкова, добровольно пошедшего в плен, чтобы уберечь раненых (причем только его, а не врачей и медсестер, которые, собственно, и были нужны пациентам). О нем раструбила и западная, и российская пресса. В Москву он вернулся в ореоле героя.

Городская дума объявила его поступок гражданским подвигом. Заинтересовался и царь, пригласил Гучкова к себе, долго беседовал с ним в присутствии императрицы, и гость ему понравился. А Александр Иванович на волне своей популярности принялся создавать еще одну нелегальную организацию – «Союз земцев-конституционалистов». Впрочем, нелегальность «Союза» была чисто условной. В него вошли крупные промышленники, банкиры, землевладельцы, скрывать свои собрания от кого бы то ни было они не считали нужным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.